

Выйдя из медицинского зала Тунфу, Гу Цзиньюй сразу же направилась в чайный дом в городе, где ее уже давно ждала Госпожа Маркиза.

Гу Цзиньюй вошла в чайный домик и, словно ласточка, впорхнула в объятия Госпожи Маркизы, нежно воскликнув «мама».

Сердце Госпожи Маркизы растаяло, когда она обняла свою дочь после её столь долгого отсутствия, и спросила: «Сколько тебе лет? Все еще бросаешься в объятия матери? Тебе не стыдно?»

Гу Цзиньюй обняла ее еще крепче и сказала, как избалованный ребенок: «Я все еще твоя дочь и дочь отца, так чего же мне стыдиться?»

Однако это было сказано лишь для того, чтобы побудить дочь сказать несколько нежных детских слов в утешение за то, что она так долго ее не видела.

Госпожа Маркиза ущипнула кончик её маленького носа, сказав: «Ты действительно позволила своему отцу так избаловать себя!»

Гу Цзиньюй хмыкнула: «Разве у отца есть ещё одна любимая дочка, которую можно баловать?»

Госпожа Маркиза не знала смеяться ей или плакать. Через некоторое время она спросила: «Хорошо ли ты заплатила за лечение в медицинском зале Тунфу?»

При упоминании об этом глаза Гу Цзиньюй уклонились от взгляда матери.

Госпожа Маркиза почувствовала изменение в поведении своей дочери и спросила: «Что случилось? Медицинский зал Тунфу не удовлетворен платой за лечение?»

Кстати говоря, этот вопрос об оплате за лечение оказался большим упущением их семьи. Маркиза думала, что старшая служанка уже заплатила им, в то время как последняя думала, что её Госпожа позаботилась об этом деле.

Если бы не случайно заданный Госпожой Маркизой вопрос, она бы так и не узнала, что у них имеется задолженность перед медицинским залом Тунфу по оплате за лечение.

Именно по этой причине она планировала сама отправиться в медицинский зал Тунфу, но, едва вернувшись с горы, она встретила свою дочь, только что прибывшую из столицы. Выслушав все подробности происшествия, Гу Цзиньюй пришлось взять на себя эту важную миссию по оплате за лечение, в то же время Госпожа Маркиза тоже не стала бездействовать, а отправилась на гору, чтобы зажечь благовония Бодхисаттве.

«Не то, чтобы медицинский зал Тунфу был недоволен оплатой, но ...» - Гу Цзиньюй призналась во всем, что произошло в медицинском зале Тунфу, ничего не добавляя и ничего не скрывая. Мать с детства учила ее не судить людей по внешности, поэтому она намеренно не стала подчеркивать, что деревенская девушка была некрасивой и имела бросающееся в глаза красное родимое пятно на левой стороне лица.

«Эта дочь была неправа в том, что была такой своевольной», - Гу Цзиньюй склонила голову, признавая свою ошибку.

Госпожа Маркиза серьезно сказала: «В этом мире всегда есть люди, которые более значимы, чем мы. Никогда не думай, что ты можешь смотреть на других свысока только потому, что у тебя более высокий статус, чем у них. Иначе, если в будущем ты встретишь кого-то, кто имеет более высокий статус, чем ты, сможешь ли ты также смотреть на себя свысока?»

Хотя Госпожа Маркиза очень любила свою дочь, однако она не была лишена моральных принципов.

Гу Цзиньюй порывисто схватила за руку свою мать и сказала: «Эта дочь - молодая госпожа из поместья Маркиза. Кто может смотреть на эту дочь свысока?»

«Ты!» Госпожа Маркиза бросила на нее беспомощно-гневный взгляд.

«Но что случилось с нефритовым кольцом для большого пальца моего брата?» - спросила Гу Цзиньюй, меняя тему.

Госпожа Маркиза ответила: «Твой брат сказал, что она взяла его случайно. Ты же знаешь, что твой брат не стал бы лгать».

Однако Гу Цзиньюй все еще не понимала: «Что значит "случайно взяла"? Откуда он знает, что она взяла его случайно? Он это видел?»

"Это ... Я тоже не знаю". Госпожа Маркиза благоволила своей дочери и в то же время хотела, чтобы последняя следовала моральным принципам, но, когда дело касалось ее сына, все уходило на второй план. В конце концов, ее сын был человеком, который живет сегодняшним днем, в отличие от других молодых людей, и она не хотела ограничивать его правилами.

Сын не хотел много рассказывать о том дне, поэтому она не стала задавать слишком много вопросов.

Более того, это было всего лишь нефритовое кольцо для большого пальца. Если бы оно пропало, то значит пропало. Все было хорошо, пока ее сын был счастлив.

Гу Цзиньюй недовольно пробурчала: «Я тоже случайно взяла его в прошлый раз, но он

игнорировал меня целый месяц! Я все еще его настоящая сестра после этого?»

«Так и есть». Госпожа Маркиза кивнула головой и сказала в добродушной манере: «Если не ты, то кто? Может быть, та маленькая девочка, у которой было это нефритовое кольцо для большого пальца?»

Из-за этой совершенно невероятной шутки настроение Гу Цзиньюй улучшилось, она прильнула к матери и протянула свою изящную руку: «Мама, у меня холодные руки».

Госпожа Маркиза потрогала тыльную сторону руки дочери и обнаружила, что она действительно немного холодная. Расстроившись, она тотчас же выпустила из рук тарелку с конфетами и передала изящную грелку, чтобы согреть руки своей дочери.

Гу Цзиньюй посмотрела на кунжутные конфеты на тарелке и удивленно спросила: «Мама, откуда у тебя это? На первый взгляд это выглядит нечисто, остерегайся съесть что-то плохое».

Госпожа Маркиза подумала о той маленькой девочке, которую она встретила в храме, и в ее глазах появился оттенок нежности: «Добрая девочка дала их мне, и я взяла».

.....

С другой стороны, Гу Цзяо, наконец-то, получила свою плату за лечение, в общей сложности 20 таэлей серебра. С учетом всех денег, имеющихся у нее, теперь было достаточно, чтобы купить гору.

Второй Хозяин был немного обеспокоен тем, что произошедшее сегодня расстроило Гу Цзяо, поэтому он смущенно спросил: «Это ... насчет лечения в следующем месяце ...»

Гу Цзяо равнодушно ответила: «Я обещала лечить пациентов один день в месяц, и я не отступлюсь от своего слова».

Сказав это, она взяла серебро и направилась в академию.

Декан, который не собирался возвращаться в академию, ушел первым.

Когда Гу Цзяо прибыла в академию, занятия уже закончились, и студенты, одетые в белую форму, выходили один за другим. Она, как обычно, ждала у входа в переулок, но спустя долгое время ни Сяо Люланя, ни Гу Сяошуня нигде не было видно.

Когда она задумалась о том, что не задержал ли их учитель, как вдруг увидела, что Сяо Люлань и Гу Сяошунь приближаются с другой стороны.

Они несли в руках кучу вещей. Когда они подошли ближе, Гу Цзяо поняла, что в руках у них палочки благовоний, а также толстые ритуальные бумажные деньги.

Гу Цзяо спросила: «Для чего ты купил эти вещи?»

Гу Сяошунь ошарашено спросил: «Старшая сестра, ты забыла? Сегодня годовщина смерти Третьего дяди и Третьей тети!»

Гу Цзяо застыла.

Я ... я действительно забыла.

В памяти первоначальной владелицы тела действительно была такая важная дата. Но, к сожалению, Гу Цзяо не была первоначальной владелицей тела, поэтому она забыла об этом.

«Спасибо за то, что ты помнишь», - сказала Гу Цзяо Гу Сяошуню.

Гу Сяошунь смущенно почесал голову и сказал: «Вообще-то, я тоже не вспомнил, это шурин».

Гу Цзяо подняла бровь и посмотрела на Сяо Люланя. Она не помнила, чтобы когда-нибудь раньше упоминала ему дату годовщины смерти своих родителей. Он, должно быть, слышал о ней от жителей деревни. Учитывая их нынешние ненастоящие отношения мужа и жены, ему не обязательно было помнить об этом.

Гу Цзяо: «Большое спасибо».

Сяо Люлань, опираясь на костыль, забрался в повозку, и в этот момент его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций. Он все еще был зол из-за "тайных дел" Гу Цзяо и Дина Ли и планировал не разговаривать с ней в течение дня!

Гу Цзяо совершенно не знала, с чем связано его внезапное недовольство, но так как он помог ей вспомнить о годовщине смерти её родителей, так что, скорее всего, его плохое настроение никак не связано с ней!

Поэтому Гу Цзяо бесцеремонно села в повозку.

Она, которая считала, что между ними хорошие отношения, даже выбрала место поближе к нему.

Сяо Люлань был зол с самого начала, но, когда увидел, что источник его гнева даже не осознает, что сделала что-то плохое, это распалило его гнев еще больше.

Когда они втроем вернулись в деревню, Лю Ши сразу же позвала Гу Сяошуня домой, а Гу Цзяо и Сяо Люлань отправились на кладбище на другом конце гряды между рисовыми полями.

Могилы Гу Саньфана и его жены Сюй Ши находились рядом друг с другом, и поскольку за ними давно никто не ухаживал, трава на могилах была в половину человеческого роста.

Сяо Люлань насупился, но все же засучил рукава и одну за другой начал выдергивать траву на могилах.

Он так увлекся процессом, что совершенно не замечал, что Гу Цзяо стоит позади него и в оцепенении смотрит на могилы.

В памяти первоначальной владелицы тела Гу Саньфан был смыт наводнением, и деревенским жителям понадобилось полмесяца, чтобы найти его тело на берегу реки. К тому времени его тело, пролежавшее долгое время в воде, распухло до неузнаваемости, и Сюй Ши, взглянув на него, рухнула на месте, так больше и не оправившись от этого.

Она продержалась всего год, после чего умерла в годовщину смерти отца Гу Цзяо, оставив после себя пятилетнюю дочь.

Они оба были замечательными родителями, во много раз лучше, чем родители Гу Цзяо в ее предыдущей жизни, но было жаль, что они умерли такими молодыми.

Похоже, что в прошлой жизни, что в настоящей ей было не суждено познать родительской любви и ласки.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/1871871>